

Н. БЫКОВ читает отрывок из рассказа М. Шолохова «Судьба человека».

Рис. Г. ГОРЮНОВА.

ЧТЕНИЕ — нелегкая отрасль театрального искусства. Поговаривают также о «камерности» чтецкого искусства, о том, что оно рассчитано лишь на любителей и знатоков. Иные говорят более грубо и откровенно: стоит ли вообще слушать то, что можно прочесть самому — «мы-де люди грамотные».

Артист Свердловской филармонии Николай Иванович Быков — чтец. На протяжении почти четверти века своей работы доказывает он неправоту скептиков, демонстрируя своими выступлениями массовость, демократичность, необходимость любимого искусства.

Для него практически почти не существует так называемых «трудных» аудиторий. Он желанный гость и в студенческой среде и в рабочем поселке и в клубе дальнего колхоза, до которого надо долго добираться на санях, завернувшись до глаз в тулуп. Особенно любят и ценят Н. И. Быкова в частях Советской Армии, где артист ведет шефскую работу.

Быкову присуще острое ощущение жизненной правды, которую он находит у лучших представителей русской классической и советской литературы. В его репертуаре последних лет — произведения Крылова, Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Чехова, Горького, Бажова, Овечкина, Троепольского. Особенно «пристрастен» Н. И. Быков к творчеству М. А. Шолохова. С неизменным успехом читает артист главы из романов «Они сражались за Родину» и «Поднятая целина».

Слушатели Быкова в один голос отмечают большую простоту и безыскусственность его чтения. Но не все отдают себе отчет, что простота его не так проста, что за ней кроется большой творческий труд. Попробуем показать это на одном примере.

У нас до сих пор, даже после выдающегося кинофильма С. Бондар-

чука, не изгладилось впечатление от «Судьбы человека», которую Быков читал «по горячим следам», сразу же после первой публикации этого знаменитого рассказа.

В рассказе есть полная драматизма сцена, в которой шофер Андрей Соколов, попавший в плен к немцам, сталкивается с гитлеровцем Мюллером. Мюллеру донесли, что Соколов протестует против убийственных норм выломки камня военнопленными. Звучит такой диалог:

— Четыре кубометра выработки — это много? — зловеще спрашивает Соколова Мюллер.

— Так точно, герр комендант, много.

— А одного кубометра тебе на могилу хватит?

— Вполне хватит и даже останется.

На вид этот диалог ясен и прост. Соколов отстаивает честь и достоинство советского человека. Иные чтецы и решали вопрос просто, произнося ответы Соколова с интонацией гордого вызова. Но это была «простота, которая хуже воровства». Это было обеднение и выхолащивание всей сцены.

По-иному трактовал эту сцену Быков. Чувствовалось, что артист ни на минуту не забывает о крайних трудных реальных обстоятельствах, в

которых герою приходится отстаивать свою честь. Ведь Мюллер вооружен, окружен охраной, здоров, сыт, пьян и упоен «победами немецкого оружия». А Соколов — безоружен, одинок перед лицом врага и до последней степени истощен голодом и каторжным трудом — в чем душа держится!.. Кроме того, он знает, что его привели «на распыл», а с жизнью, по его словам, ему «рассчитываться все-таки трудно».

По всему по этому Соколов — Быков отвечает Мюллеру внешне покорно, с чуть приметными переборами, с легким подрагиванием в голосе. Кажется даже, что слышишь не перебор голоса, а перебор самого сердца героя. В результате создается должная мера жизненной правды. Люди, сколько-нибудь понимающие, что такое смотреть смерти в глаза, начинают верить в действительность, во «всамделишность» поведения Соколова.

Почему это происходит? Потому что Быков этим легким подрагиванием голоса доносит до нас многогранное человеческое переживание. Тут и горькое сознание физической своей беспомощности перед мерзким врагом, и понятный страх, и жестокая физическая усталость, и под всем этим, точнее над всем этим — мужество и гордость, держащиеся

как бы на последней ниточке, на последней струнке, которая хоть и тонка, но предельно крепка. Слушатель физически ощущает, как трудно было Соколову одержать победу в этом страшном поединке, как он мобилизует буквально последние душевные ресурсы для этой огромной моральной победы над собой и над врагом.

Всего этого богатства содержания не было у чтецов, внесивших нарочитую гордость и твердость в интонации ответов Соколова Мюллеру.

Это только один штрих, один пример сложной работы артиста, его глубокого проникновения в душевный мир литературных героев. Из этого примера видно, как проста простота, достигаемая «Быковым», и как искусна его безыскусственность.

П. П. Бажов, когда ему нравилось то или иное произведение, говаривал:

«Густо написано»

Про Быкова можно сказать:

— Густо читает!

За его чтением всегда чувствуется большой житейский опыт, знание людей, их душевного мира, их жизненных обстоятельств.

Во многом это объясняется тем, что Н. И. Быков сам человек нелегкой трудовой жизни. Уже немалодым, после многообразной служебной и общественной деятельности, он осуществил свое призвание артиста-чтеца. Он и сейчас не чурается общественной работы — будь-то квалифицированный совет собрату-артисту, заседание товарищеского суда, или бесплатное выступление перед войнами Советской Армии. Быков знает людей и любит людей.

Вот почему, когда этот человек с простым добрым, типично русским лицом, выйдя на эстраду, ведет свой «бесхитрый» рассказ, слушатели ощущают за этим «хитрое», умное, густо насыщенное жизнью искусство.

Н. ЗЕРЦАЛОВ.

СИЛА СЛОВА